

ПРОСВЕТИТЕЛЬ XX ВЕКА

Георгий Пантелеймонович Макогоненко
(1912–1986)

Георгий Пантелеймонович Макогоненко родился 28 марта (10 апреля) 1912 года в городе Змиёве Харьковской губернии в семье мелких украинских мещан. Отец — Пантелеймон Никитич Макогоненко (1889–1969) — был сыном батрака-конюха, закончил в 1909 году лесную школу и работал лесничим; затем дослужился до сотрудника правительства Украинской ССР, вместе с которым был эвакуирован в г. Балашов Саратовской области, а после войны переехал к сыну в Ленинград. Мать — Мария Яковлевна (1890–1942) — дочь сапожника, с 1911 по 1922 год работала учительницей, с 1938 года — депутат киевского горсовета, умерла в эвакуации в г. Балашове. Таким образом, Георгий Пантелеймонович был, что называется, «интеллигентом во втором поколении».

При написании биографии Георгия Пантелеймоновича, равно как и при составлении списка его публикаций, автор пользовался печатными и архивными источниками, но не имел возможности ни ознакомиться с личным архивом ученого, ни прибегнуть к помощи его семьи. В связи с этим автор будет благодарен за возможные дополнения и комментарии.

В 1922 году семья переезжает в Саратовскую губернию, где Георгий Пантелеймонович жил то в Балашове (в двухстах километрах на запад от Саратова), то в самом Саратове. Поскольку Георгий Пантелеймонович был единственным ребенком в семье, то родители всячески способствовали его образованию. Хотя родным языком Георгия Пантелеймоновича был украинский, он к десяти годам хорошо говорил и на русском. В Саратове он был зачислен в школу второй ступени (т.н. девятилетку), которую закончил в 1929 году. В школе он в 1923 году вступил в пионерскую организацию и был ее членом до 1928 года.

По окончании школы Георгий Пантелеймонович работал по найму грузчиком в саратовском речном порту, а в конце лета 1930 года оставил родителей и переехал в Ленинград в надежде на поступление в университет.

Для поступления в ЛГУ тогда был необходим трехгодичный трудовой стаж, и Макогоненко нужно было, как тогда говорили, «орабочиваться». 25 сентября 1930 года он поступает чернорабочим второго разряда на телефонный завод «Красная заря» Всесоюзного электротехнического объединения заводов слабого тока (бывшая фабрика «Эриксон»), но 7 октября его понижают до первого разряда; в том же году он вступает в комсомол. 1 февраля 1931 года он зачислен на должность калильщика второго разряда, а 1 декабря того же года ему присвоен третий разряд. 1 февраля 1932 года он был уволен с должности калильщика, но остался на заводе: он стал зам.редактора заводского радиовещания, а в октябре 1932 года был назначен зав. производством двухдневной заводской газеты «Красная заря». 25 марта 1934 года Макогоненко был восстановлен в рабочей должности — полировщика третьего разряда и работал в этом качестве до конца мая.

Ко времени работы на заводе относятся первые литературные опыты Георгия Пантелеймоновича, печатавшиеся в газете «Красная заря». Пилотной публикацией будущего ученого стал очерк «Станки и люди», увидевший свет 17 ноября 1930 года. Это типичный образец производственной прозы, но уже в нем угадывается красноречивый рассказчик, каким был Макогоненко: «Даже форсунка ближайшей печи слегка поперхнулась от удивления, но потом еще яростней загудела

г. Балашов, октябрь 1927 г.

от обиды на человека...» Увы, но тогда на этот очерк не было обращено почти никакого внимания, виной чему передовица номера: в ней была перепечатана знаменитая статья М. Горького «Если враг не сдается — его уничтожают».

На заводе Макогоненко вступил в «литературный цех», который был организован тянущимися к творчеству краснозорцами, причем Макогоненко занимал там не главное место. В состав этого «цеха» вошли: Григорий Вайс («бригадир»), Георгий Макогоненко, Михаил Решетов, Михаил Сморчков, Константин Суховилов и Петр Шестоперов.

Любопытен стихотворный «Протокол № 1 заседания «литературного цеха»» от 18 ноября 1930 года, напечатанный 27 числа в заводской газете. В прениях там выступал и Макогоненко, а ему отвечал Михаил Сморчков.

Макогоненко:

*Я сын
                  трудового народа
И комсомолец
                  к тому же
Я бы
                  сегодня бы
                  жизнь бы
                  отдал бы,
Если это республике нужно.*

Сморчков:

*Жорка,
                  горячку пороть не смей
Свой темперамент
                  сдержи.
Лучше врагу
                  приготовь
                  эту смерть,
А сам отстаивай
                  право на жизнь.*

После постановления Центрального Комитета ВКП(б) от 10 октября 1931 года, отметившего важность изданий книг по

истории фабрик и заводов, основной работой Макогоненко стала подготовка монографии по истории «Красной зари». В начале ноября 1931 года было принято решение о написании такой книги, а в номере заводской газеты от 24 августа 1932 года уже был напечатан подробный план монументального сочинения. В конце марта 1934 года вышла отдельная глава из готовящейся книги, посвященная событиям 1905 года (Безбах С.А. Великий урок. Л., 1934.), предисловие к которой написал Макогоненко. Эта брошюра оказалась единственным следом большой работы над книгой, которая, подобно многим ей подобным, так никогда и не увидела свет.

В течение 1933/34 учебного года, еще работая на «Красной заре», Макогоненко посещал подготовительные курсы ЛИФЛИ (Ленинградского института философии, литературы и лингвистики). Летом 1934 года он поступил в этот институт, а вскоре ЛИФЛИ включили в состав ЛГУ в качестве филологического факультета. Удивительно, но именно в 1934 году для абитуриентов не рабоче-крестьянского происхождения не требовалось обязательного рабочего стажа, хотя его наличие все же приветствовалось.

Четыре года Георгий Пантелеймонович учился на филологическом факультете. На первом курсе он записался в семинар профессора Г.А. Гуковского, который, если процитировать слова Ю.М. Лотмана, «был не только крупный, я бы сказал — великий ученый, но и замечательный лектор». Обаяние и выдающиеся знания этого преподавателя истории русской литературы века на долгие десятилетия предопределили область научных интересов Г.П. Макогоненко. Поступив в университет лишь любознательным и ярким молодым человеком, заканчивал его Георгий Пантелеймонович, получив диплом с отличием, а также характеристику в аспирантуру от своего научного руководителя. Начиналась она словами: «Г.П. Макогоненко является, совершенно очевидно, в высшей степени талантливым молодым ученым».

Итог наставничества профессора Г.А. Гуковского остроумно сформулировал в своих воспоминаниях тот же Ю.М. Лотман: «Подобно тому, как динамо-машина заряжает батареи, Гуковский «зарядил» Макогоненко, и не его одного, а целое поколение».

Макогоненко, как один из самых заметных и одаренных студентов курса, был вынужден нести и общественную нагрузку, которая неожиданно вышла ему боком. В 1937 году на филологическом факультете начались многочисленные аресты студентов, которые обвинялись по злосчастной 58-й статье. Георгий Пантелеймонович, возглавлявший тогда комсомольскую ячейку филологического факультета, за близорукость к врагам и отсутствие бдительности был в начале 1938 года исключен из комсомола и ожидал худшего. Не в силах справиться с мыслями о предстоящем аресте, он принес в ректорат заявление об уходе из университета. Удивительно, но там его убедили написать заявление к съезду ВЛКСМ, что в итоге позволило ему окончить университет, а дело рассосалось.

Пытаясь уладить ситуацию и опровергнуть обвинения в политической близорукости, Макогоненко был вынужден заняться творчеством благонадежного Маяковского, причем его политическим аспектом. С этими штудиями связана и первая литературоведческая публикация Макогоненко: статья о об идеологическом значении поэзии Маяковского под названием «В борьбе с врагами народа», опубликованная 14 апреля 1938 года в газете «Известия». Хотя кроме имен Маяковского, Ленина и Сталина там не названо ни одной фамилии, а имеется лишь истовый идеологический пафос, работа эта производит грустное впечатление, напоминая об ужасном времени конца 1930-х годов.

В те годы он также писал небольшие статьи и рецензии: за 1939-1941 годы в журналах «Литературный современник», «Резец» и «Литературное обозрение» было напечатано полтора десятка его текстов.

Несмотря на «притупление бдительности», благодаря покровительству преподавателей Макогоненко был зачислен в аспирантуру и приказом от 1 октября 1939 года был прикреплен к профессору П.Н. Беркову.

В октябре 1939 года Георгия Пантелеймоновича призывают в ряды РККА, и он направляется на войну с финнами. После необходимого курса обучения он получил специальность артиллериста-наводчика и служил рядовым в 101-м краснознаменном артиллерийском полку Ленинградского фронта. Демобилизовался он в марте 1941 года.

Во время службы в армии (7 мая 1940 года) у супруги Георгия Пантелеймоновича Валентины, с которой он познакомился будучи студентом университета, родился сын — Андрей Георгиевич (1940–1990), который после войны остался с отцом и вплоть до третьей женитьбы Макогоненко жил с ним в квартире О. Берггольц на улице Рубинштейна.

В апреле 1941 года Георгий Пантелеймонович поступает в Радиокomitee на должность редактора, а в октябре его назначают заведующим отделом литературно-драматического вещания. С началом войны он — редактор красноармейской радиогазеты, а также знаменитой передачи «Говорит Ленинград!»

К концу июня 1941 года относится первая встреча Г.П. Макогоненко с Ольгой Федоровной Берггольц. Сперва это была искренняя дружба, сострадание и помощь, а также тщетные попытки спасения ее мужа Николая Степановича Молчанова, больного эпилепсией и умершего от голода в январе 1942 года. С середины войны Макогоненко и Берггольц стали жить вместе.

Благодаря работе в Радиокomitee и, в первую очередь, Ольге Берггольц, Макогоненко познакомился практически со всеми ленинградскими и многими московскими писателями. Алексей Толстой, Николай Тихонов, Михаил Зощенко, Анна Ахматова, Михаил Светлов, Константин Симонов, Александр Фадеев... Перечень их знакомых и друзей можно продолжать еще долго, да и сам Георгий Пантелеймонович в 1943 году де-юре стал писателем: его избрали членом Союза советских писателей. Константин Симонов в конце 1940-х годов даже предлагал Георгию Пантелеймоновичу стать его заместителем на посту главного редактора «Литературной газеты» и переехать в Москву; но поскольку Ольга Федоровна не мыслила себя вне родного города, это назначение не состоялось.

В соавторстве с Берггольц, которая нуждалась в Георгии Пантелеймоновиче при написании прозаических текстов, были написаны несколько произведений на тему блокады и обороны Ленинграда: пьесы «Они жили в Ленинграде» (1944) и «У нас на земле» (1947), а также киносценарий «Ленинградская симфония» — об исполнении симфонии №7 Д.Д. Шостаковича в блокадном Ленинграде. Совместно с Л.Е. Магачевым

1940-е годы.

Георгий Пантелеймонович написал сценарий первого «радиофильма» — как он это называл — «900 дней героической обороны Ленинграда». Написанная вместе с Берггольц пьеса «Верные сердца» о подвиге молодых ленинградцев была поставлена в 1945 году на сцене московского Камерного театра и имела успех. К слову, постановка пьесы «У нас на земле» в БДТ, напротив, была удостоена 30 января 1948 года рецензии в «Ленинградской правде», название которой выражает суть: «О фальшивой пьесе и плохом спектакле».

В августе 1942 года Макогоненко добровольцем ушел на фронт и был прикомандирован к четвертому отделу Политуправления Краснознаменного Балтийского флота в качестве инструктора. Во время прорыва блокады он был приписан ко Второй ударной армии генерала И.И. Федюнинского. По указанию Ленинградского горкома ВКП(б) в сентябре 1943 года Макогоненко был возвращен в Радиокomiteт и назначен военным корреспондентом, где служил до октября 1944. Во время работы в Радиокomiteте он еще числился на действительной военной службе и в сентябре 1944 года ездил на фронт в Констанцу (Румыния), а затем — вместе с О.Берггольц — в Севастополь. В основном, всю войну Макогоненко провел в Ленинграде, был награжден тремя медалями: в 1943 году «За оборону Ленинграда», в 1945 — «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». За время Отечественной войны Макогоненко много сделал как сотрудник Радиокomiteта, и многие пережившие блокаду помнили его голос. В качестве военного корреспондента он подготовил множество очерков для радио,

а вот в газетах почти не печатался, исключая тексты, написанные в соавторстве с Ольгой Берггольц.

Поскольку Макогоненко долго не мог развестись с первой женой, то свои отношения с Ольгой Федоровной им удалось узаконить только 20 февраля 1949 года. Сын Андрей и отец Пантелеймон Никитич жили вместе с ними.

Ленинградский университет возвращался из эвакуации летом 1944 года. Георгий Пантелеймонович приказом от 11 августа был восстановлен сразу на третьем курсе аспирантуры. Любопытен эпизод, который отражен в деле Макогоненко в архиве ЛГУ. Он относится к сдаче им кандидатского минимума и важен для характеристики этого навсегда беспартийного ученого.

Речь идет о первой, неудачной попытке сдачи основного предмета советского ученого — «диалектического и исторического материализма». 13 декабря 1944 года экзамен принимали профессоры М.В. Серебряков и Б.Г. Ананьев (последний, кстати, вообще психолог). За ответы на первые два вопроса — «учение о материи и движении» и «учение социальной революции» — аспирант Макогоненко получил оценки «неудовлетворительно», а на третий вопрос, «правила логического определения», не отвечал вовсе. Полученная общая неудовлетворительная оценка за экзамен снабжена характеристикой его ответов: «Основы марксизма-ленинизма не усвоены. Ответы поверхностны, сбивчивы и неясны. Изложение бесполезно».

Лишь три месяца спустя ему удалось сдать этот предмет с оценкой хорошо. В комментарии к ответам написано: «Усвоил основы учения, дает бойкие, но не всегда вразумительные ответы, в вопросах истмата разбирается лучше». Вполне естественно, что принимавшие экзамен по истории новой русской литературы профессора Б.М. Эйхенбаум и П.Н. Берков поставили аспиранту оценку «отлично».

Приказом от 18 сентября 1945 года Макогоненко, как окончивший аспирантуру, с 1 октября отчислялся из университета с направлением на работу в Ульяновский пединститут. Но вскоре, по распоряжению Всесоюзного Комитета по делам Высшей школы при СНК СССР, Макогоненко был направлен в

распоряжение университета и остался в Ленинграде. Возможно, кто-то лично ему посодействовал, а может быть, помогло то, что с 1941 по 1945 год он преподавал в институте усовершенствования учителей.

14 декабря 1945 года зав. кафедрой русской литературы ЛГУ проф. Б.М. Эйхенбаум ходатайствовал перед ректором об утверждении Г.П. Макогоненко в должности старшего преподавателя, поскольку «в сотрудничестве Г.П. Макогоненко, специализировавшегося в области русской литературы XVIII века, кафедра чрезвычайно нуждается».

Так, с января 1946 года Георгий Пантелеймонович Макогоненко стал преподавателем на филологическом факультете Ленинградского университета, где проработал до самой смерти.

В бытность студентом он написал свою первую серьезную работу — статью «О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву», вышедшую во втором томе сборника «XVIII век». А 10 февраля 1946 года он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Московский период деятельности Н.И. Новикова». К тому времени он был автором нескольких статей по истории русской литературы.

В 1949 году выходит его первая книга — «А.Н. Радищев. Очерк жизни и творчества». Годом позже — книга Макогоненко о Фонвизине, а в 1952 году — капитальная монография «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века». 22 июня 1955 года Макогоненко становится доцентом кафедры русской литературы. В 1956 году он защищает докторскую диссертацию по теме «А.Н. Радищев и его время» и избирается 30 ноября 1956 года профессором кафедры русской литературы. В том же году, по материалам докторской диссертации, выходит еще одна его основополагающая монография — «Радищев и его время», а в 1961 году — лучшая до сих пор монография о Фонвизине «Денис Фонвизин: творческий путь». В 1966 году он избирается заведующим кафедрой русской литературы.

Также Георгий Пантелеймонович занимается подготовкой изданий сочинений любимых им авторов: Радищева (1949, 1952, 1953), Новикова (1951), Фонвизина (1959), Карамзина (1964), Дмитриева (1967). Кроме того, им же были подготовлены издания сочинений Куприна (1946, 1949) и Батюшкова (1959).

Такая плодовитость Макогоненко делает его ведущим специалистом в области русской литературы XVIII века, он несколько раз избирается председателем секции критики Ленинградского отделения Союза советских писателей, а в 1950-х годах является членом правления Ленинградского отделения. В 1956 году он даже стал по совместительству главным редактором сценарного отделения на Ленфильме и устроил туда же О. Берггольц.

Лекции Макогоненко в университете, блиставшие унаследованным им от Г.А. Гуковского «искусством научной импровизации», привлекают огромное число слушателей. Чтение лекций и писательский труд совершенно лишали его возможности вести «общественную работу», на что многократно ему указывали руководители факультета и университета. Вдобавок к работе в университете, в 1969 году он возглавил группу по изучению русской литературы XVIII века в Пушкинском доме.

Отношение к нему коллег по факультету было почти восторженным. На многочисленных пере выборах его как на звание профессора, так и на должность зав.кафедрой, проходивших раз в пять лет тайным голосованием, Макогоненко избирался либо единогласно, либо абсолютным большинством голосов. Самое большое число голосов «против» было подано в 1971 году — 4 человека из 60-ти.

В начале 1960-х годов, когда литература XVIII века уже не представлялась для Георгия Пантелеймоновича неизведанной, его исследовательские интересы распространяются и на золотой век русской литературы: Макогоненко обращается к творчеству А.С. Пушкина. В 1963 году выходит его книга «Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»», в 1968 — «От Фонвизина до Пушкина». А в 1970-х — начале 1980-х годов он практически полностью перерождается в пушкиниста. В 1971 году вторым изданием выходит его «Евгений Онегин», а далее выходят капитальные монографии: «Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1830-1833)» (1974), ««Капитанская дочка» А.С. Пушкина» (1977), «Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1833-1836)» (1982), «Гоголь и Пушкин» (1985), уже посмертно выходят книги «Пушкин и Лермонтов» (1987), «О Пушкине, его предшественниках и наследниках» (1987).

Несмотря на такой внушительный список пушкиноведческих работ, эта тема для Макогоненко поначалу не была легка. Первые опыты Макогоненко-пушкиниста оказались лишены уже привычного для него блеска. Речь идет о первоначальном варианте очерка «Александр Пушкин», включенного во второй том антологии для школьников «Русские поэты». В свет том вышел в 1966 году, но очерк был написан еще в 1963. Издательство «Детская литература» представляло многие готовившиеся книги для внутренней рецензии К.И. Чуковскому, так оно поступило и в этом случае. 7 мая 1964 года Корней Иванович отослал в редакцию свой отзыв, в котором не оставил живого места от автора и его текста.

Эта рецензия внутренняя, соответственно, она не предназначалась для публикации, а была напечатана лишь в 1993 году. Начинается она словами: «Макогоненко опрощает, вульгаризирует поэзию Пушкина». Чуковский приводит список речевых и фактических ошибок, неточностей, допущенных Макогоненко, а затем отдельно касается стиля: «Отвратителен самый стиль Макогоненко, этот стиль можно охарактеризовать как удивительное смешение пустого пафоса, бытового говорка, отличающего телевизионные передачи «на огонек», канцелярской речи, присущей деловым бумагам, неграмотно составленным объявлениям, заявлениям, просьбам, ходатайствам и газетным статьям».

Завершает Чуковский свою рецензию словами: «Непонятно, почему издательство поручило написать вступительную статью о Пушкине для Антологии русской поэзии, по которой будут учиться тысячи и тысячи людей, человеку, плохо знающему поэзию Пушкина, лишенному художественного вкуса, абсолютно не владеющему литературным языком». Приговор Чуковского суров и безжалостен. Быть может, здесь имеется и нечто личное, но, вне всякого сомнения, отдавать текст такого качества, пусть и для детского издательства, было неприемлемо.

Стоит порадоваться, что этот «первый блин», свойства которого исчерпывающе охарактеризовал Чуковский, затем сменился действительно серьезными работами знатока пушкинской поэзии. И хотя «научная импровизация» иногда приводила Макогоненко к неоднозначным выводам, мало кто

сомневался в действительно большом значении его пушкино-ведческих работ.

Десять лет спустя после рецензии Чуковского фундаментальную работу Макогоненко «Творчество Пушкина в 1830-е годы (1830–1833)» рецензировал В.Э. Вацуро. Это была также внутренняя рецензия, которую Вадим Эразмович закончил 21 декабря 1973 года. Прочитируем некоторые ее фрагменты: «...Перед нами — итог пушкиноведческих работ автора на протяжении едва ли не полутора десятилетий и вместе с тем совершенно новая по теме и проблематике книга, книга концептуальная, с постоянными выходами в область общетеоретических проблем. Книга эта — безусловно, незаурядное явление. Она остра и полемична, темпераментна и превосходно написана. Нет никаких сомнений, что ей предстоит читательская популярность и что она сыграет значительную роль в науке — как своей позитивной, так и полемической стороной. Нет никаких сомнений в том, что она должна быть напечатана...» Переходя затем к некоторым недочетам книги, рецензент так завершает свой текст: «Вывод, сформулированный мною в начале рецензии, остается неизменным: Г.П. Макогоненко написал нужную, интересную и талантливую книгу, которая не только заслуживает, но и действительно требует печати...»

Обе приведенные рецензии очень звучны, можно сказать, даже кричащи. Но важно подумать, что если бы не случилось той, первой, унижительной рецензии Чуковского, то, быть может, и не было бы хвалебной рецензии В.Э. Вацуро. И если бы Макогоненко в самом начале своего пути не получил столь действенного внушения, то никогда бы не стал настоящим исследователем творчества Пушкина.

В начале 1980-х годов он идет дальше, обращаясь уже к наследникам Пушкина — творчеству Лермонтова и Гоголя. Кроме уже упомянутой книги «Пушкин и Лермонтов» Георгий Пантелеймонович подготовил к изданию четырехтомное собрание сочинений Лермонтова, из которого в 1986 году вышли три тома, после чего издание прекратилось.

Если взглянуть на хронологию основных трудов Макогоненко, то мы можем наблюдать интересную, хотя и типичную картину развития его как ученого. И недаром его так

1970-е годы.

волновала проблема преемственности в русской литературе: в своих научных интересах он развивался одновременно с осмыслением ее развития. Начав от Фонвизина, Новикова, Радищева, он затем переходит к Дмитриеву и Карамзину, потом пленяется Пушкиным и, наконец, переходит к Лермонтову и Гоголю: таким образом, он в некотором смысле сам явился иллюстрацией преемственности русской литературы.

Отметим особо, что даже при значительной плодовитости как автора, Макогоненко не сделал значительной карьеры и до конца жизни не вступил в партию. Хотя Георгий Пантелеймонович и не был против служебного роста как такового, но, в отличие от многих современников, не считал для себя возможным использовать для достижения личных целей малопочтенные способы. Можно с уверенностью и одновременно с долей гордости сказать, что Георгий Пантелеймонович, в удивительно сложной и неоднозначной обстановке той эпохи, не запятнал себя подлостью.

Уместно привести здесь слова В.Э. Вацура: «Человек большой смелости и гражданского мужества, Г.П. Макогоненко сох-

ранял свои научные и гражданские принципы при всех колебаниях конъюнктуры, не отступая от них и тогда, когда это было связано с риском для него самого, и это определило тот этический пафос, которым отмечена и его научная и литературная деятельность.»

Довольно много уже напечатано о том, как Макогоненко мог защищать, безвозмездно помогать, просто бороться за чистоту собственной совести. Но нельзя сказать, чтобы он всегда был мирным, добрым человеком — он бывал экспрессивным, бывал и грубым. Здесь стоит вспомнить хотя бы заседание профбюро филфака ЛГУ 19 сентября 1952 года, созванное по жалобе начальника ленинградской телефонной станции на многократное «грубое и неадекватное поведение доцента филфака Г.П. Макогоненко по отношению к работникам ЛМТС», в результате которого было решено «обязать т. Макогоненко Г.П. послать письмо с извинением на имя оскорбленной телефонистки т. Кондыревой».

Но если он мог допустить несомненную грубость, то никогда не допускал подлости. И именно поэтому довольно большое число известных и чтимых ныне ученых, которые готовы были полемизировать с тезисами некоторых его работ, никогда не ставили под сомнение нравственные качества Георгия Пантелеймоновича, сохраняя с ним искреннюю дружбу на протяжении десятилетий.

Первым общеизвестным примером его личного мужества является эпизод с арестом В.М. Жирмунского и Г.А. Гуковского осенью 1941 года, обвинявшихся в переписке с немцами (скорее всего, им «светила» статья за шпионаж). Поскольку Макогоненко был тогда прикомандирован к Радиокomiteту, он поздно вечером, в день ареста, позвонил оттуда по спец.связи начальству Ленинградского НКВД и в свойственной ему уже тогда величественной манере разъяснил значение этих двух ученых для советской науки. Достоинно удивления, но этот ход оказался спасительным: ученые были отпущены.

В годы блокады он, поскольку сравнительно хорошо питался и имел дополнительное довольствие, изыскивал возможность делать царские подарки — сухарь, кусочек сахара, конфету (об этом в своих воспоминаниях трогательно пишет Л.М. Лотман).

Уже начав преподавать в университете, Георгий Пантелеймонович всегда стоял за своих студентов, а позднее — преподавателей и работников кафедры. Он любил их отеческой любовью, каковая позволяла ему иногда и повысить голос, но никто не мог усомниться в ней. В конце 1940-х годов он приобрел и уважение студента, подмеченного им еще тринадцатилетним подростком, который стал потом светилом отечественной филологии, и зачастую с ним полемизировал (хотя Макогоненко сам был в 1960 году официальным оппонентом на защите его докторской диссертации). Это случилось после конференции, посвященной «Слову о полку Игореве», когда в партбюро филологического факультета поступил донос на студента Ю.М. Лотмана. В процессе допроса присутствующих в партбюро явился Макогоненко и, обличив клевету, взял на себя всю ответственность за происходившее на конференции.

В 1949 году началась борьба с космополитизмом, которая навсегда отняла у Макогоненко его учителя — профессора Г.А. Гуковского. По «представлению» ректора ЛГУ Н.А. Домнина, на основании доноса декана филологического факультета Г.П. Бердникова, входившего когда-то вместе с Макогоненко в семинар Гуковского, профессор был уволен из университета «как не справившийся с работой и допускавший крупные идеологические ошибки в своей научно-педагогической работе», а затем арестован, перевезен в Москву и умер в тюремном подвале в Лефортово во время допроса. В марте 1955 года Макогоненко вместе с В.Н. Орловым написал ходатайство генеральному прокурору СССР о посмертной реабилитации Гуковского.

Перед войной Макогоненко, с риском для себя, вынес перед обыском папку с компроматом из квартиры Л.К. Чуковской, чем спас ее от ареста. Он не побоялся подать руку помощи изгнанному отовсюду Б.М. Эйхенбауму. Во время и после войны он трогательно заботился об Анне Ахматовой, находил для нее подработки и переводы, а в 1966 году — на похоронах — его прощальная речь была пронзительной и честной. Когда после войны его друг и однокурсник И.З. Серман был арестован, то Макогоненко не страшился общаться с его родителями и дарить им свои книги. Подобных примеров можно привести множество.

Семейная жизнь, в отличие от научной карьеры, складывалась у Георгия Пантелеймоновича сложнее. Брак с Ольгой Федоровной Берггольц, несмотря на большую взаимную любовь, привнес в жизнь Макогоненко немало невзгод. А большая квартира О. Берггольц на улице Рубинштейна, куда переехал Макогоненко, за почти пятнадцать лет их совместной жизни так и не стала семейным очагом.

Последствия ужасов тюрьмы, побоев, гибели первого мужа (поэта Б. Корнилова), затем блокады, смерти второго мужа пагубно отразились на Берггольц. Вот строки из воспоминаний И.Д. Гликмана, однокурсника Макогоненко: «Алкоголизм все больше внедрялся в нее и разрушал эту талантливую, красивую, умную, блистательную женщину. Юра Макогоненко об этом не догадывался, ухаживая за Ольгой Федоровной в ту пору, когда они оба работали в Ленинградском радиокомитете во время блокады, и женился на ней. Шли годы, и болезнь прогрессировала. Макогоненко заботился об Ольге Федоровне, старался всевозможными силами исцелить ее от вредной привычки, но не имел успеха.»

Развязался этот гордиев узел семейных сложностей неожиданно. И причиной тому была страстная, буквально юношеская влюбленность профессора Макогоненко в юную студентку — Людмилу Семеновну Максимову, жену Геннадия Максимова — сына известного ленинградского литературоведа Владислава Евгеньевича Евгеньева-Максимова.

Людмила Семеновна первой рассталась с мужем, а 26 марта 1959 года у них с Георгием Пантелеймоновичем родилась дочь Дарья. 3 февраля 1962 года Макогоненко наконец оформил развод с Ольгой Берггольц, и почти в тот же день они с Людмилой Семеновной подали заявление в ЗАГС; расписались они 24 февраля 1962 года. Ольга Берггольц относилась к Макогоненко с трепетом и любовью до конца жизни.

Георгий Пантелеймонович и Людмила Семеновна Макогоненко со своей дочерью Дашей стали живой иллюстрацией картины семейного счастья. Судя по воспоминаниям современников, Людмила Семеновна обладала довольно твердым характером, благодаря чему Георгий Пантелеймонович был освобожден от бытовых забот и смог больше времени отдавать писательскому труду.

Хотя он и не был членом КПСС, все-таки в пору оттепели его стали выпускать за границу. Впервые после войны он выехал из страны осенью 1965 года — в Италию, туда же поехал год спустя. В 1968 году, в августе, он был в Праге, и был свидетелем бурлящей Чехословакии. Всего за пятнадцать лет, с 1965 по 1980 год, он девять раз путешествовал за границу — и как турист, и как ученый. Кроме Италии и Чехословакии он посетил Болгарию, Венгрию, Польшу и ГДР. Вряд ли этот перечень позволит согласиться, что его преследовали за беспартийность. Единственное, чего ему не удалось достигнуть из-за отсутствия партбилета, — избрания в члены-корреспонденты Академии Наук.

Макогоненко продолжал преподавать и даже получал награды, которые, правда, кажутся теперь смешными: в 1965 году он получил медаль «XX лет победы в Великой Отечественной войне», в 1970 — медаль «За доблестный труд в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», а в 1974 году даже удостоился знака «Победитель социалистического соревнования».

Постепенно, по-видимому, более из-за возраста, нежели по иным причинам, его стали освобождать от должностей: в 1978 году он был выведен из группы изучения русской литературы XVIII века Пушкинского дома, в 1981 году в процессе перевыборов на должность зав. кафедрой русской литературы Университета он не был утвержден, оставшись исполняющим обязанности, а 30 июня 1983 года написал заявление с просьбой освободить его с 1 сентября 1983 года от должности. Но преподавать не прекратил и работал в университете до конца жизни. Скончался Георгий Пантелеймонович у себя дома на 75 году жизни, 3 октября 1986 года, после долгой болезни, от рака желудка.

Скромный некролог появился 8 октября в Литературной газете и был сопровожден замечательной заметкой его друга В.И. Кулешова, которая начинается следующим абзацем:

«Макогоненко! Благороднейший человек. Человек слова, дела. Щедрой душевной доброты. Рыцарской верности в дружбе, в товариществе. Его жизнерадостность была неиссякаемой. Интерес ко всему, что делается в мире. Эрудиция. Отменное остроумие. Обо всем подчеркнутое, глубоко выношенное свое мнение. Личность с большой буквы.»

Хотя мы и настаиваем на честности, благородстве и мужественности Георгия Пантелеймоновича, но ни в коем случае не хотим сказать, что он был «благостным». Как писал его ученик Н.М. Романов — «Георгий Пантелеймонович был сложным и неоднозначным человеком». Мы бы не хотели вникать во все «сложности и неоднозначности» его характера, которых у него, как у и любого другого человека, было, наверное, достаточно, но хотели бы сказать о нем как об исследователе, причем увлеченном.

Макогоненко, когда писал свои работы, когда читал лекции, спорил или оппонировал, всегда был уверен в правильности своих тезисов, установок или даже собственных догм, что, однако, не всегда было очевидно для других. Но поскольку он был очень хорошо эрудирован, то победить его в споре было делом многотрудным, а иногда и тщетным.

Кроме своих чисто научных и глубоких познаний Георгий Пантелеймонович имел еще одну значимую черту. Если о Ломоносове как основателе Московского университета Пушкиным сказано, что он сам был первым русским университетом, то об исследователе XVIII века Макогоненко можно без тени сомнения сказать, что он сам был персонажем изучаемой эпохи.

Изучая жизнь Фонвизина, Новикова, Радищева, он, казалось, отождествлял себя с героями этого века и был необычайно душевно близок с ними. Он был добр, честен и трудолюбив, но одновременно был и щеголем, и русским барином, с присущими этому определению широтой души и человеческими слабостями. Его манера себя преподносить, вести разговор, одеваться сопутствовала этому. А уж сигара, которую он редко выпускал из рук, подчеркивала созданный им образ русского вельможи ушедших времен. Недаром его сравнивали с портретом А.Ф. Кокоринова кисти Д.Г. Левицкого. Вспоминая о Георгии Пантелеймоновиче, его ученик Н.М. Романов писал: «В нем чувствовались порода и то внутреннее благородство, которое воспитывается не одним поколением предков».

Насколько он внутренне и внешне сливается с изучаемой эпохой, увидели многие в 1946 году, когда на банкете по случаю защиты кандидатских диссертаций Макогоненко и Е.И. Наумовым, Георгию Пантелеймоновичу подарили седой

парик с косичкой, на манер XVIII века. Он был в белой шелковой рубашке и наслаждался прекрасным ужином в кругу друзей.

Иногда, правда, такое погружение в образ рождало курьезы. И хотя в разных анкетах он пишет происхождение то «из служащих», то «из мещан», а однажды даже «из крестьян», он так и оставался сыном мелких украинских мещан, внуком конюха и сапожника. Это входило в противоречие с его мироощущением, и поэтому, как и большинство людей той беспокойной эпохи, он старался никогда не говорить о своем происхождении. В этот контекст укладываются слова Пушкина: «Достоинно замечания и то, что Байрон никогда не упоминал о домашних обстоятельствах своего детства, находя их унижительными».

Именно эта маленькая тайна сыграла с Макогоненко злую шутку. Дело в том, что многие десятилетия в научных кругах Ленинграда ходил и укоренился слух о семитском происхождении Макогоненко. Согласно этим слухам, были люди, лично видевшие в одной из ленинградских газет 1930 года объявление, что Гирш Магид (Гирш Магазинер) из города Змиева меняет свое имя на Георгий Макогоненко. В действительности, центральные ленинградские газеты 1930–1934 годов не содержат подобного объявления (нам, увы, пришлось лично это проверить), а увиденные затем документы Макогоненко, сохраняющиеся в архиве ЛГУ, опровергли эти нелепые домыслы.

Хотелось бы, наконец, охарактеризовать Георгия Пантелеймоновича не с точки зрения биографии, а взглянув на его литературное наследие — весь корпус монографий.

Часто высказывается мнение, что Г.А. Гуковский, а также и Г.П. Макогоненко как его продолжатель и наследник, открыли (или возвратили) для отечественной культуры русскую литературу XVIII столетия. Тезис этот кажется нам сомнительным, поскольку уже в XIX веке титаническую работу проделали многие, особенно Н.С. Тихонравов и Я.К. Грот.

На наш взгляд, дело в ином: Г.А. Гуковский удивительно слитно и доступно систематизировал русскую литературу XVIII века для понимания, причем прежде всего адресуя свои книги студентам, филологам и историкам. Макогоненко же своими монографиями, особенно по литературе XVIII века,

адресуется к более широкому кругу читателей. По сути, большинство сочинений Макогоненко — это просветительские труды, сформировавшие взгляды огромного количества людей на русскую литературу.

Что касается именно научного вклада в историю литературы, то Макогоненко проявил себя, прежде всего, как биограф Фонвизина, которому посвящена его лучшая, на наш взгляд, монография и подготовлено единственное в XX веке собрание сочинений.

Если же посмотреть на все семнадцать книг Г.П. Макогоненко, то шесть из них были напечатаны издательством «Художественная литература», пять — издательством «Гослитиздат», две — «Советский писатель», по одной — «Госкультпросветиздат», «Просвещение» и «Искусство». И лишь единственная — «Национальное своеобразие русской литературы» (1976, в соавторстве с Е.Н. Купреяновой) — в издательстве «Наука».

Этот простой подсчет быть может и спекулятивен, но уж очень красноречив. Он наглядно характеризует его книги и демонстрирует нам их адресата — они не сугубо научные, а прежде всего просветительские, рассчитанные на большую читательскую аудиторию.

И здесь необходимо оценить значительный вклад Георгия Пантелеймоновича в русскую культуру, в формирование взглядов современников на XVIII век. Хотя Макогоненко, согласно его жизни и трудам, не назван нами, да и не являлся, по сути, кабинетным ученым — лишь благо. Ибо он не был гением кабинета — он был гением аудитории. Его лекции и семинары открывали студентам русскую словесность, которая со временем становилась и их любовью и страстью, а на его книгах, издававшихся огромными тиражами, выросло не одно поколение исследователей и просто любителей русской истории и литературы.

П.А. Дружинин